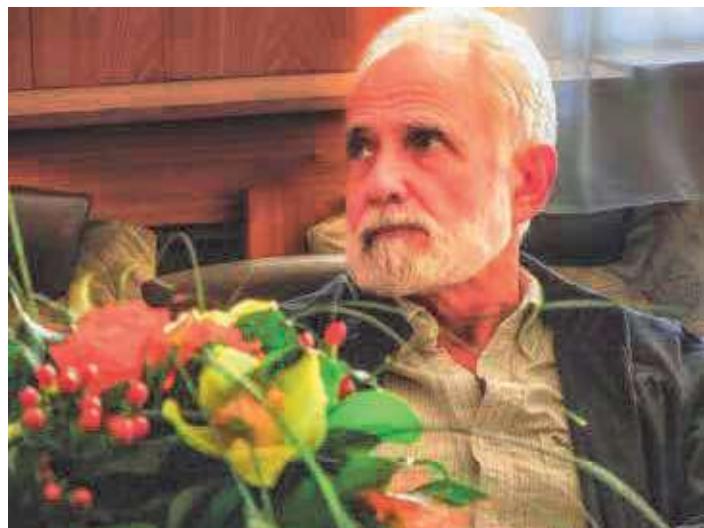

К 80-летию Сергея Юрьевича Неклюдова

Младший герой Золотого века

Наверное, один из самых распространенных мифов в истории человеческой культуры — это миф о «золотом веке», прекрасном времени, когда человечество или какая-то его часть существовали без печалей и забот, все жили долго и прекрасно. Эта картина замечательного и совершенного прошлого, далекого или относительно недавнего, постоянно воспроизводится в массовом сознании от древности вплоть до сего дня. Как и положено мифу, он редко имеет хоть какую-то опору в реальности — все мы, жившие в Советском Союзе, можем оценить адекватность его изображения в современной российской пропаганде. Но при всем оправданном скепсисе в одном отношении наше гуманитарное сообщество, как кажется, существование этого «золотой эпохи» в конце XIX в. признаёт — в том, что касается истории нашей собственной науки. Действительно, это время «поколения титанов», великих имен, которые стали символом замечательного взлета отечественной гуманитарной науки в самых разных областях, от истории и филологии до фольклористики и стиховедения. Это время Мелетинского и Гуревича, Иванова и Топорова, Аверинцева и Гаспарова. Имя Сергея Юрьевича Неклюдова естественным образом встраивается в этот ряд как равновесная величина, хотя, если следовать эпической номенклатуре, он принадлежал к «младшим героям» этого века, успевшим поучиться у старших (а именно у Е. М. Мелетинского). Но одной из примет «золотого века» является неизменное, как бы замершее время: и, право, уже для моего поколения (а уж тем более для сегодняшних студентов) тот факт, что Аверинцев и Зализняк были младше Мелетинского и Гуревича на 15–20 лет, не только неочевиден, но и неважен. В конце концов среди олимпийских богов тоже были старшие и младшие.

Важно другое — Сергей Юрьевич в полной мере воплощает те свойства, которые были присущи (при всей разности и характеров, и жизненного и научного пути) большим ученым этого времени. Практически каждый из них, начиная в науке в какой-то конкретной сфере (которой было, например, антиковедение для Гаспарова или индология для моего отца), в дальнейшем распространял свои интересы на гораздо более широкие области, так или иначе говоря об истории литературы и культуры в целом. Для Неклюдова такой «стартовой площадкой» оказалась монголистика, но, при том что он до сих пор остается замечательным специалистом по «Джангару» и «Гесеру», уже давно предметом его исследований стали сравнительная фольклористика и теория эпоса, где он один из главных авторитетов в отечественной (да и в мировой) науке. Этот путь от частного к общему (но при этом без ущерба для точности и скрупулезности в анализе «частного») — неотъемлемая черта «золотого поколения».

Помимо чисто научной, представителям этого поколения были свойственные и некая человеческая общность и единство. Опять-таки при всей разности интересов и темпераментов все они не были замкнуты исключительно на сфере своих научных занятий, а были открыты миру и людям (хотя некоторые из них подчеркнуто культивировали образ кабинетного ученого не от мира сего). Это могло проявляться по-разному: в блистательных публичных лекциях, собиравших огромные аудитории, или даже в недолгом (и, увы, не таком уж и успешном) участии в публичной политике — но для всех них наука была неразделима с жизнью, не только собственной, но и жизнью окружающих и, если угодно, страны. Проще говоря, каждый из них был замечательной личностью, даже простое нахождение рядом с которой давало неоценимый человеческий опыт.

И вот в этом отношении Сергей Юрьевич, на мой взгляд, не только не уступает, но и во многом превзошел всех «старших героев» этого замечательного времени. В мифе о «золотом веке» есть одна, довольно грустная, черта — он уходит безвозвратно, ничего не оставляя последующим поколениям. В какой-то мере это оказалось свойственным, увы, и «золотому веку» нашей гуманитарной науки: у великих ученых недавнего прошлого почти не осталось учеников, они мало преподавали — главным образом в силу многолетней привычки исключительно к письменному столу. Привычка во многом была вынужденной, поскольку в советское время академические власти в аудитории их просто не пускали или быстро выгоняли из них: потому, когда возможность эта наконец представилась, не все ею захотели воспользоваться, а некоторые просто не имели соответствующего опыта и навыка. Но вот Сергей Юрьевич чуть ли не главный смысл своей деятельности видел и видит не только и не столько в собственных трудах, сколько в воспитании учеников — и потому у него их невероятно много, и занимаются они самыми разными вещами: от типологии русской сказки и былины до современной интернет-коммуникации (а иногда тем и другим одновременно). И здесь научная миссия и свойства характера вновь неотделимы друг от друга: достаточно хотя бы раз увидеть, как Сергей Юрьевич буквально «расцветает» в кругу молодежи, когда научный спор и просто человеческое общение одинаково значимы. Потому мне кажется, в его случае «золотой век» не закончен и не закончится: он длится и им

самим, и множеством воспитанных им наследников. «Младший герой» давно стал «старшим» и при этом еще и героем-основателем, основателем долгой традиции.

Н. П. Гринцер

Школа актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Россия, Москва)

На главном пути

«Всех родов» от Веселовского до Неклюдова четыре. Сергей Юрьевич Неклюдов — ученик Е. М. Мелетинского. Мелетинский своим учителем считал В. М. Жирмунского. Жирмунский не являлся в прямом смысле учеником А. Н. Веселовского, но в середине прошлого века был единственным русским ученым, продолжавшим и развивавшим его научное наследие.

Веселовский, приступая к созданию исторической поэтики, исходил из убеждения, что произведения любой эпохи можно изучать, раскрывая в них явления «всеобщего схематизма и повторяемости». У Неклюдова такой же исходный пункт: «Совпадения структурных конфигураций, обнаруживающиеся на огромных временных дистанциях и в весьма удаленных друг от друга регионах, бывают поистине поразительными»¹. Для Веселовского, однако, «личное творчество» оставалось «тайной», к которой изучение механизма «неизменных формул» позволяет только приблизиться, но не раскрыть ее до конца; он писал о Боккаччо, Петрарке, Жуковском, но писал по-другому. Неклюдов не игнорирует рубеж между «поэтикой предания» и «личным почином», но не считает его непреодолимым, демонстрируя, что к произведениям, в которых доминирует индивидуально-творческое начало, можно подходить с тех же позиций, что и к доавторской словесности. Мелетинский также переступает этот рубеж и охватывает в своих работах эпохи личного творчества (и в «Исторической поэтике новеллы», и во «Введении в историческую поэтику эпоса и романа»), но у него традиция представлена в этих разделах в основном категории жанра. Неклюдов выстраивает другую, внежанровую последовательность.

В двухтомнике, подводящем итог исследованиям за четверть века («Темы и вариации» и «Легенда о Разине», 2016), он говорит о главе из поэмы Некрасова, о стихотворениях Пушкина из «Песен западных славян», о «Кавказском пленнике» Л. Толстого, о путешествии Незнайки на Луну, о «Блохе» Мусоргского, о так и не написанной пьесе Ю. Олеши и о так и не завершенном романе А. Платонова, выстраивая для каждого из анализируемых текстов протяженный, и во временном и в пространственном плане, ряд параллелей. Это не поиск источников и не история мотива, это демонстрация текстопорождающих возможностей традиции. Звенья здесь могут быть совершенно автономны, они не обязательно связаны генетическими или жанровыми отношениями, но

¹ Неклюдов С. Ю. Темы и вариации. М.: Индрик, 2016. С. 479.

в них непременно вскрывается некая общая тематическая и композиционная матрица, которую в ряде случаев удается возвести к изначальной мифологической модели. Но не обнаружение «архетипа» является главной исследовательской целью Неклюдова, а соотношение текста и инварианта, механизмы возобновления традиции, особенно показательные в тех случаях, когда тексты относятся к культурам, отказавшимся от непременной опоры на традицию, а также когда субъективные установки автора вступают в непримиримое противоречие с диктуемой формулой семантикой.

Это не просто другой подход и другой ракурс, нежели у Мелетинского, а открытие другого объекта, другого стержня, скрепляющего традицию, — более прочного, пожалуй, чем жанр, поскольку жанровые границы для него оказываются легко проницаемы, и имеющего, возможно, более глубокие, чуть ли не антропологические корни, поскольку такие признаки традиции могут быть предположительно объяснены некоторыми фундаментальными характеристиками интеллектуальной деятельности. Это, следовательно, и новый шаг на пути, проложенном предшественниками и учителями. «Темы и вариации» посвящены «ученикам, которые пойдут дальше». Учеников у С. Ю. Неклюдова много; как идти дальше своего учителя, он показывает им своим примером.

М. Л. Андреев

Школа актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Россия, Москва)
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва)

Жизнь и школа и vice versa

Сергею Юрьевичу сказали недавно, что мне исполняется семьдесят лет, он никак не хотел верить и называл меня уменьшительными именами. Да, мы давно знакомы, почти полвека, а в моем сознании Сережа Неклюдов — иссиня-черный, легкий и изящный, ему немного за тридцать, у него крошечные девочки, чудная Валя, мама писательница, которая все время курит и называет своего сына мудрецом...

Конечно, я знаю, что Сережа, теперь Сергей Юрьевич, знаменитый мэтр, глава школы. Но мемуарный очерк не попытка творческой биографии, которую напишут многочисленные ученики. Я учились у многих замечательных людей, и почти все они появились в моей жизни потому, что Сережа привел меня в домашний семинар Е. М. Мелетинского, где за десяток лет побывали те, кто составил потом и Институт высших гуманитарных исследований, и те, кто после открытия границ стали нашими зарубежными коллегами. И это Сережа познакомился с душеприказчицей О. М. Фрейденберг, и с благословения Елеазара Моисеевича меня отправили зимой 1972/1973 г. в Ленинград

готовить книгу для «черепаховой» серии², а еще через год я нашла на дне сундука письма Бориса Пастернака, и тогда Сережа познакомил меня с Евгением Борисовичем и Еленой Владимировной, и все это стало из случайностей судьбою... Как ни стараёшься сделать главным героем того, о ком пишешь, все мемуары выходят про себя. Не буду этого стесняться. Я думаю, что если сложить разных мемуаристов «я и С. Ю.» или «С. Ю. и я», то выйдет вот такая картина: образцовый преданный и самостоятельный ученик и образцовый учитель, тихий и настойчивый и неистово обожаемый молодым поколением.

В начале 1974 г. «младшая группа» тартуской школы по вторичным моделирующим системам резвилась вечером в опустевшем зале конференций. Сережа, которому не было тридцати трех, глядя на нас с Олей Седаковой, сказал кому-то: «Вас не умиляет наше молодое поколение?» Почему-то стоит у меня в памяти эта картина ярче многих других. Ведь постоянно ощущаемое присутствие словно земного ангела-хранителя сопровождало меня всю жизнь. С. Ю., где бы он ни был, где бы ни был ты сам, делает окружающий мир не таким безнадежным и враждебным. Можно как-то примириться, поладить и наладить. Потому идеальный ученик и идеальный учитель создал школу. И это поражает больше, чем даже его замечательные научные труды. Я их читаю вот прямо сейчас для семинара по сравнительной мифологии.

История науки в России последних ста с лишним лет менее всего позволяла ожидать того, что древние называли преемством схолархов, переходом школы от учителя к ученику. Руководство наукой сверху не предполагает таких тонких, индивидуальных и неформальных отношений, которые связывают учителя с учениками. Эти связи не совместимы с периодическими слияниями и различиями, формированием и расформированием и вообще административными построениями ученых, когда кафедры, какие уж есть, объявляют «школами», и смена главы кафедры означает автоматически смену главы школы...

И несмотря на все то, чем потчует ученых высшее начальство, можно провести такое преемство фольклористики и теории мифа, прямо от великого Александра Николаевича Веселовского (1838–1906), у которого учился впоследствии Владимир Федорович Шишмарев; Шишмарев издавал труды Веселовского и доводился ему зятем. У Владимира Федоровича Шишмарева учился Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971), он издавал труды Шишмарева и писал о нем статьи при избрании того в Академию; Жирмунский, хотя и подвергался трижды арестам и был изгнан из ЛГУ в пору борьбы с космополитизмом, все же стал членом-корреспондентом, а затем действительным членом Академии и учителем Елеазара Моисеевича Мелетинского (1918–2005), который не один срок провел в заключении и, имея мировую славу, не получал высоких званий. Сергей Юрьевич Неклюдов — его ученик. При желании можно продлить начало школы до Буслаева, у которого учился Веселовский: Буслаев — Веселовский — Шишмарев — Жирмунский — Мелетинский — Неклюдов. Вот так, друзья мои! Всем чертям назло настоящая научная школа. И вместе — Мелетинский и его ученики — вернули нам забытого и забитого гения В. Я. Проппа.

² Серия «Исследования по фольклору и мифологии Востока» Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» (на обложке книг серии размещался рисунок черепахи).

Решила написать о школе не потому, конечно, что мысли и работы Сергея Юрьевича кажутся мне менее достойными внимания. Они вошли в число классических, в программы университетов. Но не могу отвести глаз от двух последних десятилетий Летних школ, в основном в Переяславле, восходящих ко «времени сновидений» в Тарту и Кэярику и собирающих молодежь со всей России; от нового побега в РАНХИГС; от постоянно кипящей семинарской жизни в тупичке первого этажа РГГУ.

Условия жизни и работы русских ученых чаще позволяют природному дару, пытливому уму и благородному сердцу создавать что-то в уединении и аскезе, хорошо, если не в ссылке, а в небольшом кружке единомышленников, в домашнем семинаре, где и пришло мне когда-то, благодаря юбиляру, возрастиать среди лучших умов. Кружок единомышленников, конечно, лучше камеры и ссылки. Но критика гаснет в домашнем кругу и враждебном окружении.

Школа Неклюдова большая, просторная; выпускники, ученики и последователи не растворятся и не распылятся, дадут свое потомство. В советское время существовала сознательная установка не давать неправильной парадигме воспроизводиться в учениках, не позволять иметь научное продолжение. Никто и никогда не заявлял этого прямо, но у лучших ученых почти не было аспирантов, ну, двое за многие десятилетия.

У Шишмарева в учениках лингвисты (Р. А. Будагов, Н. Д. Арутюнова и Г. В. Степанов), хотя фольклор и миф и Веселовский как теоретик долго оставались в кругу его интересов. Разнообразней и многочисленней ученики В. М. Жирмунского, но по фольклору и мифологии работали, пожалуй, двое — Е. М. Мелетинский и в какой-то мере М. Б. Мейлах, причастный к «Мифам народов мира» — удивительному плоду, созревшему в позднем застое. А Мелетинскому «достались» в советский период только двое студентов с вечернего отделения, правда, это были Е. С. Новик и С. Ю. Неклюдов. Вот почему я так радуюсь символическому бессмертию патриарха Сережи, воплощенному в племени младом и даже немного знакомом.

Долгих лет, успехов учеников и радости озарения!

Н. В. Брагинская

Институт классического Востока и античности,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Россия, Москва)

Институт восточных культур и античности,
Российский государственный гуманитарный университет
(Россия, Москва)

* * *

В связи с юбилеем С. Ю. Неклюдова мне хотелось бы поделиться некоторыми краткими воспоминаниями о нашем уже без малого 30-летнем общении.

С Сергеем Юрьевичем я познакомился, когда был принят на работу в ИВГИ, правда, уже раньше, будучи аспирантом Е. М. Мелетинского, много-кратно слышал о нем. На заседаниях Отдела классических литератур Запада и сравнительного литературоведения постоянно упоминались разные сотруд-

ники ИМЛИ, но едва речь заходила о Сергее Юрьевиче, упоминание вскользь, по делу, неизменно переходило в разговор о нем, к которому присоединялись несколько человек. Где он сейчас? Куда ездил? Что сказал в такой-то связи? Я замечал, что о Сергее Юрьевиче говорят с удовольствием и что он многим глубоко симпатичен. Уже тогда, лично не зная его, я оказался заинтригован им.

Впервые общался я с Сергеем Юрьевичем, когда по его просьбе поехал с ним на квартиру какого-то незадолго до того скончавшегося филолога, имя которого я, к сожалению, забыл. Нужно было отобрать книги для библиотеки ИВГИ. Было видно, что Сергей Юрьевич хочет узнать меня ближе, понять, что я за птица. Надо ли говорить, что я сразу подпал под его обаяние, под которым никогда не переставал находиться и пребываю поныне! Хотелось выполнить все, что бы он ни попросил, — сразу, на отлично, в два раза, в сто раз больше, чем он просил (и чем было нужно). Наверное, в своем энтузиазме я выглядел глупо. Иногда чувствовал на себе его взгляд: очень умный, пристальный, изучающий и обращенный на меня как бы со стороны, хотя, казалось бы, он, как и я, только что без остатка и целиком находился в общении. Да и то: предстояло выяснить, не слишком ли добр был добрейший Елеазар Моисеевич, пригласив меня на одну из нескольких ставок, специально выделенных Ю. Н. Афанасьевым для молодых научных сотрудников. Думаю, этот взгляд многие знают и испытали на себе. Но и он, как и все в Сергее Юрьевиче, мне тоже понравился...

Первая половина 1990-х годов была временем расцвета ИВГИ. Общие семинары собирали по несколько сотен человек и затягивались на многие часы, до глубокого вечера. Г. С. Кнабе называл эти семинары «радениями». Еще не уехал из России С. С. Аверинцев, еще были живы В. Б. Мириманов, В. С. Библер и четверо великих ученых, ушедших от нас один за другим в 2005–2006 гг.; становился известным в широких кругах М. Л. Андреев, превосходную книгу которого о средневековой драматургии я тогда изучал с огромным интересом и с огромной же пользой для себя. В ИВГИ мне нравилось все, но главным образом вот что. Куда ни пойдешь — в какой-нибудь научный отдел или на какую-то учебную кафедру — везде царит своя, фирменная спесь: у лингвистов такая, у математиков сякая, у философов еще какая-нибудь. К кому ни обратишься, хочется прежде всего принести глубокие извинения за то, что существуешь на свете. Я тогда не понимал, что эта спесь от неуверенности в себе, от худосочности и творческой маломощности. Когда не набираешь в науке, всегда утверждаешься и добираешь как-то еще, скажем, в общении и презентации себя окружающим; а добирали очень и очень много. Но только не в ИВГИ. Этим великим ученым и людям были органически свойственны искренность, простота, доброта и априорная расположность к собеседнику (ср. у Павла Флоренского: «дворянское чувство равенства»). Сидишь, например, пьешь чай и запросто беседуешь с тем же В. Н. Топоровым и думаешь: «Боже мой, ты хоть понимаешь, с кем ты пьешь этот чай?» С. Ю. Неклюдов, вне всякого сомнения, из числа этих «людей высокого рода».

Тешу себя надеждой, что мы с С. Ю. Неклюдовым тогда немного подружились: ну, как могут дружить «мэнээс» и состоявшийся, очень сильный ученый. Я неоднократно бывал у Сергея Юрьевича дома, знаком с его супругой и с обеими его дочерьми. Вспоминается наша прогулка по ночному Дрездену, когда он рассказывал о многих удивительных обстоятельствах своей жизни.

Как и всех упомянутых ученых мужей, я длительное время воспринимал С. Ю. Неклюдова как сугубо кабинетного научного работника. Однако в нем до времени скрывался поистине огромный организаторский потенциал. Вероятно, я был первым, кто ощутил на себе его раскрытие. После меня у него была группа аспирантов в ИВГИ, а потом уже ЦТСФ. Дело здесь, естественно, не в «нашем долге передавать опыт подрастающим поколениям», как меня уверял сам Сергей Юрьевич, когда я с ним заводил разговор по поводу его новой активности. А в чем же тогда? Думаю, во внутренней потребности, в строении личности, в одаренности совершенно особого рода. Достаточно просто окинуть взором то, что он сделал на поприще построения новой фольклористики, и сразу понимаешь: какой там «долг»! без организаторской одаренности, и притом исключительной, здесь не обошлось. Она заметна сразу. За счет одного «чувства долга» так далеко не уехать! Подумать только: привлечь молодежь, создать институцию, найти финансирование, открыть журналы, подвести под это современную научную школу. Да, в ее окончательной кристаллизации это школа С. Ю. Неклюдова, но все настояно на идеях Е. М. Мелетинского и изощренной семиотике Е. С. Новик. И именно в такой преемственности мощь этой школы. Насколько я могу судить, перед С. Ю. Неклюдовым и возглавляемым им направлением сейчас стоят сложные методологические проблемы, и в первую очередь определение предмета новой, расширенной фольклористики, мотивированное размежевание живого фольклора и повседневной речевой (внефольклорной) деятельности. Несомненно существующая и интуитивно ощущимая пролегающая между ними граница поддается научному определению с чрезвычайным трудом. Что же, по-видимому, подобные проблемы самоопределения возникают у всякой рождающейся дисциплины...

Чего бы хотелось пожелать Сергею Юрьевичу, чтобы это желание не было каким-то специальным и мелким, но соразмерным моей любви к нему? Хочется пожелать ему просто быть — быть среди нас таким, какой он есть и каким был всегда, являя нам, «оставившим первую любовь свою» пламенным поклонникам Хирша, ценности и ритмы совсем другой, несовременной жизни — жизни в подлинной и высокой науке.

М. Ю. Реутин

Школа актуальных гуманитарных исследований,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ (Россия, Москва)

О Сергее Юрьевиче Неклюдове

Сергей Юрьевич Неклюдов создал Институт высших гуманитарных исследований РГГУ вместе со своим учителем Елеазаром Моисеевичем Мелетинским и отдал ему значительную часть своей жизни. Елеазар Моисеевич дал согласие возглавить институт при условии, что заместителем станет его ближайший ученик, Сергей Юрьевич. Так С. Ю. Неклюдов стал руководить Институтом высших гуманитарных исследований, который он и поныне не

оставляет своим вниманием и заботой. Поддержку Сергея Юрьевича чувствуют все сотрудники института, без его участия не обходится ни одно начинание, ни одно назначение, ни одна конференция. За всем добрым, что с нами происходит, угадывается его присутствие. Он читает статьи и книги сотрудников ИВГИ, организует публикации сборников, выступает на защите. Помню, как он много лет помогал мне со сборником о происхождении лирики, в который было очень непросто собрать статьи и который потом застрял на стадии редактирования. Помню, как тепло выступил на защите моей докторской диссертации. Помню, как не раз просил нас всех идти на защиты других коллег и поддерживать их. Невозможно рассказать обо всех случаях, когда Сергей Юрьевич помог, выручил, разрешил сомнения, выступил миротворцем в сложных ситуациях.

Мы все ценим то, как Сергей Юрьевич заботится об увековечении памяти своего учителя Е. М. Мелетинского. Он занимается переизданием его трудов, посвятил ему первый номер нового журнала «Фольклор: структура, типология, семиотика», организует Мелетинские чтения, неизменно привлекающие многочисленных слушателей.

Поразительна та легкость, с которой Сергей Юрьевич находит контакт с людьми и особенно с молодежью. Вокруг него всегда множество учеников, которые слушают его, затаив дыхание, но не стесняются перебивать и задавать вопросы. Сергей Юрьевич не жалеет ни времени, ни сил на своих учеников, помогает им находить дорогу в жизни, писать книги, публиковать статьи. Помню, как он не раз на моих глазах убеждал редакторов журналов принимать аспирантские статьи, какими бы неумелыми они подчас ни казались. Из учеников Сергея Юрьевича выросло не одно поколение ученых.

Заседания фольклорного семинара Сергея Юрьевича настолько увлекательны, что слушатели не расходятся до поздней ночи. Доклады Сергея Юрьевича невозможно забыть. Помню его сообщения о снежном человеке, о блестящей песне «Гоп со смыком», о сказке, эпосе, о современном фольклоре. Всякое его выступление всегда ново и захватывающе интересно. Научные труды Сергея Юрьевича давно стали классикой мировой фольклористики, антропологии, востоковедения. Трудно сказать о Сергееве Юрьевиче точнее, чем он сказал сам: «Но мир мой продлится в грядущем / По тайным веленьям былого / До-подлинно вещный и сущий — / Во славу бесплотного слова».

И. Г. Матюшина

Институт высших гуманитарных исследований,
Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва)
Эксетерский университет (Великобритания, Эксетер)